

Темнота и тепло не были типичными вещами, которые Изуку соотносил бы друг с другом, но волны тепла, которые омывали его тело, наполняя его безмятежным чувством спокойствия, не ослабевали ни на йоту, пока он дрейфовал сквозь сон.

Джентльмен, туника, красный плащ, заключивший его тело в такие нежные объятия,—это было последнее, что он увидел, прежде чем темнота снова лишила его чувств. Ну, во всяком случае, его нормальные чувства; Изуку едва ли мог объяснить это, даже когда он дрейфовал среди Эфира своего собственного бессознательного, но он все еще чувствовал этот плащ, свободно обернутый вокруг его промокшего тела, и успокаивающее тепло, которое, казалось, буквально пульсировало из его волокон.

И еще дальше, за мягким сиянием плаща, было другое ощущение, которое он уловил, прежде чем его разум ускользнул: ощущение, что джентльмен, которого он мельком видел, поднял его с илистого берега реки.

Или это был плащ? Теперь, когда он подумал об этом, ему показалось, что джентльмен в синей мантии и красном плаще был почти как два разных существа. Принадлежал ли этот плащ второму человеку? Неужели кто-то еще, кроме джентльмена, проскользнул в овраг, чтобы забрать его измученное тело, и Изуку даже не заметил его или их черты?

Внезапный сдвиг в ощущениях заставил Изуку на время отогнать эту мысль. Сдвиг пробежал рябью по всей темноте, в которой он плыл—что происходит? Ощущение подъема прекратилось, и теперь он...тонул? Последнее, что он чувствовал спиной перед жарой, была скользкая грязь речного берега, но теперь его спина была прижата к чему-то вроде подушки. Он погружался в нее, но не до такой степени, чтобы Изуку боялся полностью провалиться в нее.

И если говорить о тепле плаща, который, несомненно, спас его...Оно тоже рассеялось.

Изуку пришел в отчаяние и представил себе, как он тянется в бездну, надеясь, что это не совсем за пределами его досягаемости, но там не осталось и следа тепла, которое можно было бы почувствовать.

И затем...шевеление. И Изуку наконец открыл глаза.

Бип. Бип. Бип.

Там, где когда-то его окружал безопасный кокон тьмы, теперь Изуку беспомощно моргал под белым светом: ослепляющим, интенсивным и агрессивным.

Что? .. - подумал Изуку, когда его глаза переориентировались, его зрение больше не было закрыто мутной жижей реки. - Где я?

Яркий свет угасал по мере того, как его глаза привыкали с каждым миготанием: он был в

больничной палате. Белые стены, потолок, пол и кровать, вероятно, были тем, что делало свет в комнате таким ослепительным.

Бип. Бип. Бип.

Изуку наклонил голову в сторону звука. Монитор ЭКГ находился справа от его кровати, пищал в тандеме с его пульсом, заставляя Изуку мрачно осознавать провода и трубки, подключенные к его телу; к счастью, его рот был чист. На стене перед ним висел телевизор, и несколько плакатов с врачами и фразами, связанными со здоровьем, были разбросаны по стенам тут и там. Но от этого комната не казалась менее ослепительно белой.

- А, так ты наконец проснулся, - Изуку чуть не вздрогнул от грубого голоса, раздавшегося слева.

Подождите, этот голос! Изуку резко повернул голову в сторону голоса, удивленно вытаращив глаза на человека, сидевшего рядом с ним: синяя туника, красный плащ, накинутый на больничное кресло, аккуратно подстриженная козлиная бородка, причесанные, ухоженные волосы-это, без сомнения, был тот самый человек, которого он видел после мытья на берегу реки.

-В-вы спасли меня!" Изуку зашипел, пытаясь сесть в постели, хотя мышцы его тела протестовали от сильной боли, а колодец вновь обретенных слез угрожал пролиться наружу.

Джентльмен мгновенно вскочил, положил ладонь на грудь Изуку и легонько подтолкнул его, чтобы он лег обратно. Когда его спина прижалась к подушке больничной койки, Изуку понял, что это, должно быть, было то самое ощущение—мягкое погружение—которое он испытывал перед пробуждением.

- Да, я действительно спас тебя, молодой человек, - сказал незнакомец, убедившись, что Изуку снова полностью расслабился. Его губы напряглись, а взгляд стал пристальным, но мрачным, как будто он наблюдал за зеленоволосым мальчиком, но был удручен тем, что увидел. - Хотя, боюсь, я не успел спасти тебя вовремя."

У Изуку перехватило дыхание, и монитор рядом с ним запищал немного быстрее. Бип-бип. Бип-бип. Бип-бип.

- Что вы имеете в виду?" Изуку успел хрипло выдохнуть, прежде чем погрузиться в резкий приступ кашля, отвернув голову от человека, который спас его. Когда Изуку обернулся, странный человек держал перед собой обжигающе горячую чашку. Пары пробежали по лицу Изуку, щекоча его ноздри, прежде чем он понял намек и приоткрыл губы для дымящейся жидкости, которую предлагал ему мужчина.

Изуку не мог решить, что хуже: обжигающий жар напитка или его проклятая соленость.

Однако, к его огромному облегчению, мужчина лишь сделал глоток из крошечной чашки, прежде чем отодвинуть ее. Его напряженные губы растянулись в нечто похожее на жалкую улыбку, когда Изуку изо всех сил старался не выплюнуть соленую смесь на чистые белые больничные простыни.

- Чай с маслом, - сказал мужчина, поставив чашку на маленький столик между кроватью Изуку и стулом, на котором он сидел. На столе, как заметил Изуку, лежала внушительная стопка того, что могло быть только картами на выздоровление, и вторая чашка чая, наполненная тем же самым варевом, которому он только что подвергся. - Жара и соль вместе помогут очистить горло от слизи. Я не дам вам слишком много; нет необходимости, чтобы вы заболели обезвоживанием, когда вы уже почти утонули."

Мидория моргнул и тупо кивнул головой, прежде чем обратить свое внимание на стопку карт, лежащую рядом с...чаем с маслом.

Джентльмен проследил за его взглядом и, казалось, был более чем готов продолжить разговор. -Ах, да, вы получили довольно много таких, - сказал мужчина, взяв розовую карточку и держа ее открытой перед лицом Изуку, чтобы тот прочитал, к большому замешательству мальчика, хотя он ничего не сказал, пока изучал карточку. Она была очень однообразной и пресной, с общим "Выздоровлявай скорее", нацарапанным в середине карточки с почти непонятным именем, подписанным внизу. Изуку узнал в нем ученика из своего класса, хотя почему ему прислали открытку с пожеланием выздоровления, было выше его понимания. Никто даже не взглянул на него, кроме Бакуго и ему подобных.—

Изуку вздрогнул и почувствовал, как внутри у него все сжалось, словно его ударили кулаком при одной мысли о Бакуго. Воспоминания о его недавнем испытании начали мелькать в его голове, и самое ужасное осознание, которое пришло к Изуку, когда его били волны и бревна, было не просто то, что он верил, что умрет—он действительно думал, что умрет один, брошенный мальчиком, за которым он так благоговейно следовал так долго.

Мужчина листал карточку за карточкой, чтобы Изуку посмотрел. Все они были одинаковыми: невыразительные, повторяющиеся цвета, общие формулировки, лениво написанные подписи. К этому моменту Изуку был уверен, что карты были сделаны не по доброй воле, что они были сделаны по приказу его классного руководителя. Еще одним оскорблением было то, что во всей этой стопке не было ни одной карты от Бакуго. Изуку заметно поморщился; возможно, Бакуго действительно оставил его умирать. Может быть, ему действительно было все равно, умер ли Деку.

- Я благодарен вам за то, что вы сделали для меня, сэр, - сказал Изуку, чувствуя, как в животе у него закружилась усталость. - Но вы не должны кормить меня чаем или держать карты передо мной.—"

Изуку попытался поднять руки, чтобы оттолкнуть пустой жест, который был визитной карточкой его одноклассника. А потом он замер.

М-мои руки...!

На лице Изуку застыло выражение ужаса, когда он, разинув рот, уставился на свои плотно забинтованные руки, лежащие поверх одеяла. Как он не заметил этого раньше? Неужели он все еще так измучен? Изуку хмыкнул, пытаясь согнуть руки под слоем марли, покрывающей их, но это было бесполезно. Он почувствовал боль, когда попытался поднять руки, но руки? Он почти ничего не чувствовал ни в одной из них.

Он неуверенно повернул голову к своему спасителю, его широко раскрытые глаза отчаянно искали объяснения. Но мрачное, напряженное лицо вернулось к джентльмену в синей мантии, когда он снова сел и мрачно уставился на изуродованные руки мальчика. В глазах мужчины мелькнуло сочувствие, как будто он слишком хорошо понимал затруднительное положение Изуку.

Боюсь, я не успел спасти вас вовремя. Эти слова отчетливо прозвучали в голове мальчика, когда до Изуку дошло, что, должно быть, именно это имел в виду джентльмен. Его руки...они были вне всякой надежды на ремонт.

- Молодой человек—"

Все, что он получил в ответ, было хныканье мальчика. Джентльмен скорчил гримасу и нахмурил свой, по общему признанию, суровый лоб, когда серия толчков и икоты настигла ребенка, о котором шла речь, безудержно глядя на его сломанные руки.

-Изуку!" Пронзительный крик разнесся по комнате, вырвав их обоих из размышлений, в которых они застряли, когда некрасивая женщина ворвалась в дверь и бросилась на прикованного к постели мальчика, безудержно рыдая.

Мать мальчика, без сомнения, подумал мужчина, глядя на мальчика, безвольно лежащего в объятиях матери, и его глаза с каждой секундой казались все более и более опустошенными.

После нескольких мучительных мгновений неразборчивого бормотания беспокойства, смешанного с сомнительно нездоровым количеством рыданий, женщина—Инко, как он полагал, ее звали, основываясь на прошлых визитах—наконец оторвалась от сына, который просто безжизненно откинулся на кровать, не сказав ни слова матери.

- Ты был без сознания целых два дня, Изуку!" - воскликнула Инко, вытирая непрерывную волну слез, льющихся по ее щекам. - Когда мне позвонил доктор и сказал, что ты начинаешь шевелиться, я сразу же пришла!"